
МОТИВ ОБМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ С. ДОВЛАТОВА

ГАЛИНА ДОБРОЗРАКОВА (Самара)

Мотив обмана является одним из основных в творчестве Сергея Довлатова, и тема эта поистине неисчерпаемая. Интересную классификацию частных вариантов обмана дает Б.Ф. Егоров в монографии «Обман в русской культуре», указывая при этом, что далеко не все из них «нравственно негативны, большинство из них связано, наоборот, с позитивным обманом, с художественным творчеством»¹. Выделим из этой классификации те виды обмана, которые были характерны для довлатовского творчества: иллюзия (самообман, когда кажущееся принимается за действительное), мистификация (обманное создание текста, выдумка мифического автора), розыгрыш (операция с ложным сообщением), «художественная обманность».

Литературоцентризм, вера в могущество слова² порождали у Довлатова иллюзию того, что творчество может ослабить трагизм существования. В этом убеждении проявляются и черты шопенгауэризма Довлатова, который в молодости, по словам А. Ю. Арьева, Шопенгауэра «читал с вниманием»³. Уже в повести «Зона» (1982) слово становится для автора способом противостояния миру: его герой с помощью слова переводит кошмарную реальность в текст, тем самым спасаясь от нее, получая эстетическое отстранение. В повести «Заповедник» (1983) Довлатов отождествляет своего автопсихологического героя с Пушкиным, показывает обряд посвящения Алиханова в писатели. Уход в творчество ненадолго помогает ему приобрести смысл в жизни, восстановить утраченную гармонию. А в повести «Ремесло» (1985) Довлатов, как отмечает А. Г. Глушкова, приходит к выводу: в этой жизни «остается только писание для себя невидимых книг, а также издание невидимых газет, без надежды на признание, богатство. Писать – значит осуществлять себя. <...> В “Ремесле” слово выступает как средство познания себя и других, позволяет сформулировать свое отношение к жизни»⁴.

---

¹ Егоров Б. Ф. Обман в русской культуре. СПб.: «Росток», 2012. с. 62.

² По воспоминаниям М. Зайчика, именно Довлатову принадлежали слова: «...отдали душу не Богу небесному, не любви, не жене, не Родине, а слову. И это навсегда». (Зайчик М. Не долететь до середины Днепра // Петрополь. Альманах № 5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994, с. 210.)

³ Арьев А. История рассказчика // И. Сухих. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: РИЦ «Культ - Ин-форм - Пресс», 1996. с. 8.

⁴ Глушкова А. С. Проблема сущности творчества (ремесла) в повести С. Довлатова

При создании текстов, и публицистических, и художественных, Довлатов не раз прибегал к различным мистификациям. Например, Александр Генис упоминает, что Довлатов однажды написал письмо в редакцию, воспользовавшись «маской выдуманного им доцента Минского пединститута», чтобы сказать «о себе то, что хотел бы услышать от других: “Довлатов-рассказчик создает новый литературный жанр. Документальная фактура его рассказов – лишь обманчивая имитация. Автор не использует реальные документы. Он создает их художественными методами. То есть сама документальность – плод решения эстетической задачи. И как результат – двойное воздействие. Убедительность фактографии помножается на художественный эффект”⁵».

Зарабатывая на жизнь журналистской работой, в периодической печати Довлатов часто выступал под псевдонимами. Бывший сотрудник газеты «За кадры верфям» В.В. Степанов указывает на довлатовский псевдоним Сергеев⁶, соредатор журнала «Звезда» А. Ю. Арьев – на псевдоним Адер. На самом деле вымышленных фамилий, которыми подписывался Довлатов, было гораздо больше: Муст, Кивистик, Сильд и другие⁷ (работа по выявлению довлатовских псевдонимов ждет своего продолжения). Скрывался он за ними, отчасти подражая известнейшим литераторам, пользовавшимся литературными масками, отчасти поддерживая традиции советской журналистики, когда с помощью публикаций под чужими фамилиями создавалась видимость большого числа сотрудников.

Газетные тексты Довлатов тоже нередко создавал на основе вымысла. Так, в газете «Советская Эстония» за 30 августа 1973 г. были опубликованы материалы рубрики «Гости Таллина⁸», подписанные довлатовским псевдонимом С. Адер:

«Каждый день прибывают в Таллин поезда и самолеты. Сотни и тысячи пассажиров растворяются в уличном потоке. Кто же они, эти люди, что привело их в наш город, каковы их первые впечатления?..

Мы обратились с этими вопросами к нескольким гостям Таллина⁹».

О том, что интервью с «гостями Таллина» – Зинаидой Тольман (начальником планового отдела Пермского СМУ № 2), Алдоной Гусевой (студенткой Рижского сельхозтехникума), Александром Есауленко (ленинградским художником), Сереей Знамеровским (десятиклассником из г. Жданова), Иваном Сабилло (кандидатом биологических наук из Минс-

---

«Ремесло» // Русская литература в современном культурном пространстве: материалы юбил. конф., посвящ. 100-летию Том. гос. пед. ун-та и 70-летию филол. фак-та ТГПУ, 2-3 ноября 2000 г. Томск: ТГПУ, 2001, с. 111, 112.

⁵ Генис А. А. Довлатов и окрестности. М.: «Вагриус», 2004, с. 102.

⁶ См.: Челнокова Н. Каким он был на самом деле... // Аврора. 2007, № 4, с. 45.

⁷ См.: Доброзракова Г. А. Псевдонимные юморески и фельетоны Сергея Довлатова: к вопросу атрибуции // Вопросы литературы. 2014, № 4, с. 21–53.

⁸ Здесь сохраняется орфография советского времени.

⁹ Адер С. Работать и отдыхать // Сов. Эстония. 1973, 30 авг., с. 4.

ка) - вымышлены автором, свидетельствуют два факта. Во-первых, воспоминания Тамары Зибуновой, которая пишет: Довлатов «изобрел рубрику “Гости Таллинна”, а самих гостей по большей части выдумывал. У моих приятелей Ольманов была доберманша Алдона. Появляется репортаж: “Гость из Риги – Альдона Ольман”. Примерно такие гости и посещали Таллинн»¹⁰. Во-вторых, известно, что приятель Довлатова Иван Сабило (его фамилию в газете Довлатов воспроизводит не совсем точно), которого автор делает «гостем Таллина», не был кандидатом биологических наук (М. Зайчик писал о нем: «тренер по боксу по профессии, писатель-юморист по призванию»¹¹).

С точки зрения теории журналистского творчества вымысел в публицистике недопустим, т. к. нарушается принцип правдивости. Но Довлатов здесь ориентировался на советскую действительность: в СССР царил система обмана, борьбы за «дутые» показатели, что отражалось в средствах массовой информации. Практиковались и публикации журналистом материалов от имени специалистов разных профилей. Не случайно период работы в эстонских газетах Довлатов назвал годами «вранья и притворства»¹².

Невинным обманом можно назвать розыгрыши Довлатовым своих друзей и знакомых. В частности, в газете «Советская Эстония» от 1 апреля 1973 г. была опубликована юмореска «С Ивановым шутки плохи». Герой (повествование ведется от 1 лица) пытается разыграть своего приятеля Иванова и говорит, что у того на двое суток отключат телефон, номер которого 661-929. Герман Ашкинази в своих воспоминаниях повествует о любопытном факте: указанный номер телефона принадлежал эстонскому коллеге Довлатова – Михаилу Рогинскому, впоследствии рассказавшему Ашкинази, что произошло после выхода газеты. «Буквально в тот же день начались телефонные звонки. Звонили совершенно незнакомые люди с выражением искреннего сочувствия носителю таких напастей, свалившихся в одночасье на голову хорошего человека. Люди не только сочувствовали, но и предлагали свою помощь. Телефонное начальство извинялось за допущенную ошибку и обещало провести расследование и примерно наказать почему-то телефонистку. Портные лучшего ателье предлагали сшить бесплатно костюм из сэкономленного сукна. Администрации нескольких столовых предложили льготные месячные абонементы. И, конечно, женщины... Одни предлагали скрасить одиночество, другие помочь по хозяйству. И все это бескорыстно. Некоторые приходили без приглашения, и

---

¹⁰ Ковалова А., Лурье Л. Довлатов. СПб.: Амфора. 2009, с. 188.

¹¹ Зайчик М. Не долететь до середины Днепра // Петрополь. Альманах № 5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994, с. 207.

¹² Довлатов С. Компромисс // Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Азбука-классика, 2004. Т. 1, с. 230. Далее цитируется по этому изданию. Том и страницы указываются в скобках.

тут же начинали наводить порядок. При этом возрастной диапазон, как, впрочем, и национальный, был достаточно широк, не говоря о внешних данных.

Вначале это нравилось. Приятель даже подыгрывал, позволяя за собой ухаживать. Довольно быстро эта коллективная или индивидуальная опека стала надоедать. Наконец, жизнь стала совсем невыносимой. Миша начал грубить. Но поток не иссякал. Окончательно в начале моего визита его доконали делегаты пионерской организации соседней школы, торжественно известившие, что тамошняя тимуровская команда включила его в список своих подопечных»¹³.

Розыгрыш на этом не закончился. Через полтора месяца Довлатов опубликовал в юмористической рубрике «Пчелка» газеты «Вечерний Таллин» юмореску «Иванов не виноват!» - с тем же героем и тем же номером телефона:

«Зазвонил телефон. Иванов поднял трубку.

– Это ты, негодяй? – спросил женский голос.

– Я, – сказал Иванов уныло.

– Ты прячешься от меня! Ты не отвечаешь на звонки! Ты бросил женщину с ребенком! Ты лжец и клятвопреступник!

– Я не прячусь, дорогая, – забормотал Иванов и от сильной досады шевельнул пальцами ног, обутых в желтые импортные полуботинки, – у меня много работы. Я занят...

– Знаю я, чем ты занят, прохвост! Тебя видели с этой крашеной дылкой из варьете!

– Но пойми, это было чисто деловое свидание...

– Знаю, что у тебя за дела! А я-то верила этому жулику!

– Ну, не сердись, моя рыбка, надо все мирно обсудить...

– Не смей называть меня рыбкой! Не смей называть меня мышкой и киской! Называй меня пантерой! Я подаю на тебя в суд! Я обращусь к твоему директору, я пойду в местком!

– Зачем так спешить? – испугался Иванов.

– Я долго терпела, хватит! – выкрикнул женский голос, – Миньке не нужен такой отец!..

– Какому Миньке? – помедлив, спросил Иванов.

– Ты забыл имя родного сына, варвар!

– Но моего сына зовут Ленька, – возразил Иванов, – Ленька его зовут!

– Это 166-626?

– Нет, это 661-929!

– Извините, пожалуйста, – произнес женский голос.

– Да ничего, бывает, – сказал Иванов и вытер пот со лба.

---

¹³ Ашкинази Г. Шутка Довлатова. URL: <http://www.erik-as.livejournal.com/3932.html> (дата обращения 06.10.2016).

Зазвонил телефон...»¹⁴

Эти ранние журналистские произведения уже предвосхищают один из важнейших художественных принципов Довлатова – псевдодокументализм, о котором он сам говорил в приведенном выше письме в редакцию, а также в интервью, взятом у писателя Джоном Глэдом: «Дело в том, что жанр, в котором я ... выступаю, это такой псевдодокументализм. Когда все формальные признаки документальной прозы соблюдаются, то художественными средствами ты создаешь документ... И у меня в связи с этим было много курьезных ситуаций, когда люди меня поправляли. <...> Во всяком случае, правды и документальной правды и точности в моих рассказах гораздо меньше, чем кажется. Я очень многое выдумал»¹⁵. По словам петербургского писателя Валерия Попова, не один Довлатов прислушивался в пору своего становления к совету драматурга Александра Володина: «Никогда не пиши, как было! Пиши только наоборот! Если она была брюнетка – пиши блондинку, если была зима – пиши лето»¹⁶.

Еще в конце 1990-х гг., анализируя современный литературный процесс, критик Наталья Иванова отмечала, что Довлатов создавал произведения с опорой на *factiion* и *non-fiction* и жанр «мемуаров» принес автору славу и успех. В таких «текстах, как правило, сочетаются реальные и вымышленные персонажи, вымышленные события накладываются на реальный антураж (и наоборот); узнаваемый автор-повествователь скрывается под легкой маской ... или вовсе не нуждается в ней... <...> жанр ... получил ... название <...> – жанр “довлатов”»¹⁷. В таком жанре «вранье», или гротесковое сатирическое заострение, служит художественным приемом, и назначение этого жанра – создание новой мифологии о времени, о своем поколении, о себе.

Итальянский довлатовед Лаура Сальмон относит принцип «автобиографического искажения» к особенностям поэтики и стиля Довлатова и, анализируя специфические приемы фальсификации фактов, обращает внимание на то, что действительность искажается путем юмористической обработки жизненного материала, близко знакомого автору¹⁸.

На основе исследований довлатоведов и собственных наблюдений составим своеобразную классификацию приемов, с помощью которых писатель находил соотношение факта и вымысла, в наибольшей степени соответствовавшее его творческой индивидуальности и поставленной художественной задаче.

---

¹⁴ Довлатов С. Иванов не виноват! // Вечерний Таллин. 1973, 16 мая, с. 3.

¹⁵ Глэд Д. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991, с. 90.

¹⁶ Попов В. Довлатов. М.: Молодая гвардия, 2010, с. 204-205.

¹⁷ Иванова Н. Преодолевшие постмодернизм // Знамя. 1998, № 4, с. 198.

¹⁸ Сальмон Л. Автобиографическое искажение как мера эстетической истины: о поэтике Сергея Довлатова // Сергей Довлатов: лицо, словесность, эпоха: итоги Второй междунард. конф. «Довлатовские чтения». СПб.: «Звезда», 2012, с. 142.

Формальный прием употребления в одном предложении слов, начинающихся с разных букв.

Об этом приеме, уберегающем «от многословия и пустоты», Довлатов сообщает в письме Науму Сагаловскому от 21 июня 1986 г.: «... вот уже лет шесть я пишу таким образом, что все слова во фразе начинаются у меня на разные буквы. Даже предлоги не повторяются. Даже в цитатах я избегаю двух слов на одну букву в одной фразе»¹⁹. Действительно, в «Заповеднике», например, искажается пушкинская цитата: «Не зарастет священная тропа!» (2; 186) (у Пушкина – «народная тропа»).

Ради «торжества стиля», вспоминает Петр Вайль, «Довлатов, всегда и все писавший по фактической канве, без колебаний менял факт – самым вопиющим образом – если факт начинался с неподходящей буквы. Понятно, что чаще всего насилью подвергались числительные и имена собственные»²⁰.

Использование имен собственных – подлинных и выдуманных.

В большинстве случаев Довлатов оставлял изображенных в произведениях своих знакомых с их настоящей фамилией, иногда переименовывал. Интересна история переименования персонажа из первой новеллы «Зоны». Как рассказывает Зибунова, в армии Довлатов служил вместе с эстонцем Калью Сарапуу, ставшим прообразом героя рассказа «Иностранец», написанного «до свидания СД с Таллином. Т.е. по армейским впечатлениям. В первоначальном варианте это был не Густав Пахапиль. А Калью Сарапуу. Вроде бы житель Пярну. Во всяком случае, СД предпринял попытку даже разыскать его. Пахапиль же был моим однокурсником и коллегой»²¹.

Фамилии персонажей, имевших реальных прототипов, по мнению Довлатова, при изменении должны были быть созвучны фамилиям исторических лиц или узнаваемы по каким-либо ассоциациям. Так, в «Компромиссе» журналист Михаил Рогинский выведен под фамилией Шаблинский, доярка Лейда Пейпс превращается в Линду Пейпс; в «Филиале» писатель Василий Аксенов – Ванька Самсонов, профессор Серман – Шерман, литературовед Эткинд – Эрдман, правозащитники Шрагин и Литвинов – Шагин и Литвинский, писатель Юз Алешковский – Юзовский, поэт Наум Коржавин – Рувим Ковригин, Андрей Синявский – прозаик Беляков, писатель Панаев – Виктор Некрасов, жена Аксенова, Майя Кармен, – Рашель.

Встречаются случаи, когда вымышленная фамилия ничего общего не имеет с фамилией прототипа. Например, глава «Компромисс пятый» из

---

¹⁹ Довлатов С. Письма к Науму Сагаловскому // Довлатов С. Сквозь джунгли безумной жизни. Письма к родным и друзьям. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003, с. 239.

²⁰ Вайль П. Без Довлатова. URL: http://www.sem40.ru/famous/pis30_1.htm (дата обращения 09.03.2013).

²¹ URL: <http://www.th3.livejournal.com/40642.html> (дата обращения 15.10.2012).

«Компромисса», написанная Довлатовым на основе публикации М. Гати «Здравствуй, четырехсоттысячный!» («Советская Эстония», 1973, 25 окт.), рассказывает о рождении сына в семье токаря и водителя автокары Кузиных – на самом же деле новорожденный появился в семье шофера Юри Симсалу и воспитательницы детского сада Лийны Симсалу.

На материале повести «Компромисс», где много эстонских названий, интересно проследить и соотношение реально существующих и вымышленных топонимов. В основном имена собственные Довлатов переводит с латиницы на кириллицу без изменений звукового состава. Однако некоторые эстонские названия Довлатовым искажаются:

«...из курортного местечка Азалемма...» (1; 262) – речь должна идти о волости Вазалемма на севере Эстонии, в которую входит и одноименный поселок²².

«← Спите, а мы Ыхью проехали...» (1; 297). По одной версии (по материалам форума) – это Пыхью, район на севере Таллинна; по другой (по мнению таллиннского старожила Калле Каспера) – Йыхви, небольшой городок, стоящий на слиянии дорог из Таллинна и Тарту в Нарву, но это совсем иное направление, чем путь в Пайде²³.

«Я пришел в кафе “Ройа”» (1; 324) – в действительности кафе «Рае» на Ратушной площади в центре Таллинна²⁴.

Кладбище Линнаметса (1; 383) – на самом деле оно называлось Метсакальмисту (Лесное кладбище)²⁵.

Изменение дат и фактических деталей. Примеров подобных изменений можно привести множество. Например, набранные курсивом в начале глав повести «Компромисс» отрывки из собственных публикаций в газете «Советская Эстония» приводятся Довлатовым под мистифицированными датами²⁶.

Другой пример: когда сестра Довлатова Ксана Мечик-Бланк послала опубликованный в «Новом американце» рассказ «Мой дед Исаак» родному брату Исаака Анисиму, тот сразу же обнаружил «ошибки». «Меня крайне удивляет, откуда Сергей знает биографию своего дедушки. Я не думаю, что Донат описал своего отца в такой темной краске. Он пишет, что дедушка был пьяница и обжора. Я вам представлю моего брата. Он был умный, развитой, приятный, интеллигентный человек. Я всегда завидовал ему, почему я не удался, как он. Сергей пишет, что он служил в ар-

---

²² Используются материалы форума «Перевод на латиницу эстонских имен у Довлатова» на сайте «Мультитран» 14–25 ноября 2006 г. URL: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=4...278&all...> (дата обращения 10.10.2012).

²³ Сухих И. Комментарии // Довлатов С. Лишний. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011, с. 487.

²⁴ Там же, с. 488.

²⁵ Там же, с. 490.

²⁶ См.: Доброзракова Г.А. Таллиннский период в творческой биографии С. Довлатова // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2011, № 4, с. 41–49.

тиллерии. Неправда, он служил в пехоте. Он пишет, что Исаак получил 3 медали, что царь приехал на Дальний Восток осмотреть армию. Царь сидел в Петербурге во время русско-японской войны. Сергей пишет, что дедушка зарабатывал на жизнь, починяя часы. Для того, чтобы разобрать часы и составить, нужно идти в часовую школу на 5 лет. Он такую школу не посещал. Он пишет, дедушка был наполовину еврей, наполовину русский. Мы оба родились от одной матери. Она была еврейка...»²⁷

Мечик-Бланк рассказывает, что, «создавая литературный портрет дедушки, Довлатов не просто менял факты. Он вносил в этот рассказ детали из собственной жизни. Так, история с американскими раскладушками, которые трижды ломались, как только дед на них укладывался, – вымысел. Но интересно другое – когда, учась в университете, Сережа какое-то время жил у своих родителей, однажды случился конфуз: ножки тахты, на которой он спал, не выдержали, кровать проломилась под ним»²⁸.

Прием повторов. Микроновеллы в разных художественных текстах повторяются с незначительными (на уровне стилистики) или с весьма существенными (на уровне композиции, состава персонажей) вариациями.

Приемы игры:

установка не на фактическую, а на психологическую достоверность, как это свойственно поэтике жанра анекдота (например, есть у Довлатова совершенно невероятная даже для литературного анекдота выдуманная ситуация о том, как Битов якобы побил Вознесенского);

создание «поведенческого текста» (Ю.М. Лотман), имеющего аналогом текст художественный, с которым он переплетается; например, когда автопсихологический герой ведет себя так, как вел себя лермонтовский Печорин («Зона») или как герой хемингуэвской «Фиесты» Джейк Барнс («Филиал»);

«контрплагиат» (Л. Сальмон), когда Довлатов присваивает сочиненное им другому автору (например, в «Зоне» строфа из армейского стихотворения «Дамское танго» приписывается Леониду Маку).

Мифологизация:

создание миниатюрного повествования об исторической личности на основе реальных и вымышленных фактов одновременно, что делает личность мифологичной, поскольку она становится принадлежащей и миру действительности, и миру воображения («Записные книжки»);

конструирование автомифа: встреча в младенчестве с писателем А. Платоновым («Ремесло»), выстраивание сюжета собственной жизни по образцу пушкинской («Заповедник»).

Итак, с точки зрения поэтики, Довлатову была свойственна «художественная игра».

---

²⁷ Мечик-Бланк К. // Звезда. 2008, № 1, URL: <http://www.magazines.russ.ru> Звезда (дата обращения 22.02.2013).

²⁸ Там же.

жественная обманность», вместе с тем писатель создал великолепные образцы сатиры, направленной против обмана, царившего в советском обществе. Необходимо, правда, отметить, что мотив обмана, являясь основным для многих довлатовских текстов, в ранних и поздних произведениях писателя звучит по-разному.

Так, рассказ для детей «Человек, которого не было» – один из немногих рассказов, напечатанных в Советском Союзе еще при жизни там автора, посвящен разоблачению мошенничества одного из центральных персонажей – Альберта Барбукина. Этот цирковой артист, выступавший как иллюзионист под именем Альберта Астанелли, придумал необыкновенный номер с двумя поднятыми на тросе сундуками. «Великий маг» «почти одновременно появлялся то из одного, то из другого сундука»²⁹. Цирковой трюк был создан за счет обмана зрителей: в одном из сундуков находился Василий, которого Астанелли превратил в своего двойника, заставив его жить тайной жизнью и оплачивая ему работу связкой баранок в день. «Так Василий поселился в большом кованом сундуке. Он слышал аплодисменты, но это его не радовало. Он чувствовал себя очень одиноким. Иногда он тайно вылезал из сундука, гладил лошадей и разговаривал с тиграми. Он перестал улыбаться. Он превратился в след пролетевшего облака, в звук падающего снега и значил не больше, чем те слова, что написаны прутиком на воде. Он стал меньше тени, у него не было ни имени, ни лица, несмотря на то, что его лицо смотрело со всех афиш, а выдуманное имя повторялось на каждом шагу»³⁰.

Школьник Коля Булавкин, который с детских лет мечтал стать артистом цирка, проник за кулисы, чтобы увидеть знаменитого Астанелли и посоветоваться с ним о том, как добиться исполнения своей мечты. Коля узнал об истории двух братьев и с трудом уговорил Василия убежать из плена.

Сохранив сюжет, но изменив имена героев, Довлатов создает по этому рассказу драматическую сказку в двух действиях под названием «Человек, которого не было. Пьеса для младших школьников с фокусами, но без обмана». В пьесе школьник Минька Ковалев помогает разоблачить знаменитого циркового артиста Луиджи Драндулетти, выполнявшего затейливые трюки-исчезновения с помощью брата-близнеца Николая Барбукина. Однако и сам Минька, как Драндулетти, стремится достичь известности с помощью обмана. Минька считает своим рекордным трюком «неподвижное сальто»³¹, умеет «ходить по проволоке, которая лежит на земле» (с. 16),

---

²⁹ Довлатов С. Человек, которого не было // Дружба: лит.-худ. сб. Л.: Дет. лит., 1971, с. 132.

³⁰ Там же, с. 137.

³¹ Довлатов С. Человек, которого не было. Пьеса для младших школьников с фокусами, но без обмана // Материалы архива Псковского театра кукол, с. 16. Далее цитируется по этим материалам, страница указана в скобках.

дрессирует невидимого микроба Фердинанда: «Фердинанд, вылезай из кармана! Продемонстрируй, на что ты способен. (Обращается к Цымбе.) Фердинанд – послушный и дисциплинированный микроб. Он ходит по канату, танцует вальс и прыгает через обруч. Жаль, что публика этого не видит – Фердинанд исключительно мал» (с. 16). С помощью слов «укротитель», «жонглер», «фокусник» Минька оправдывает все свои неблагоприятные поступки: «Сначала я решил быть укротителем. Начал укрощать Вовку Цурикова, отличника. А учительница мне за поведение четверку вкатила. Тогда я решил жонглером стать. Жонглировал на перемене цветочными горшками. Учительница мне четверку на тройку переправила. Тогда я подумал, не стать ли мне фокусником. И такой фокус придумал – завел второй дневник. Один – для учительницы, второй – для папы с мамой. В одном тройки, в другом – сплошные пятерки» (с. 10).

Эти ранние произведения Довлатова носят чисто дидактический характер, мораль в них выражена напрямую: нельзя обманывать, нельзя и потворствовать обману. В конце рассказа выводится мораль: каждый, у кого есть мечта, должен стремиться приблизиться к ней, никогда ей не изменять и слушаться старших. Примером для всех школьников должно стать поведение Коли Булавкина, который решил: «У меня есть мечта, и мне нельзя от нее удаляться.

– Главное – хорошо учиться, – сказала мама.

– И заниматься спортом, – добавил папа.

– Пожалуй, вы правы, – сказал Коля, – сяду-ка я за уроки.

Так он и сделал»³².

Спектакль же заканчивается исполнением героями финальной песни:

Нет двойников, все это ложь,

Ни на кого ты не похож,

У каждого свои дела и мысли,

Не могут даже близнецы

Похожи быть, как леденцы

Или как два ведра на коромысле... (с. 20-21).

Мотив обмана является основным в повести «Компромисс», ставшей непревзойденной иллюстрацией к обыденной ситуации двоемыслия, которая царил в то время в обществе, и запечатлевшей амбивалентность как нравственное состояние целого народа. Протестуя против обмана и лицемерия, Довлатов следует традициям автора «Мертвых душ» и «Ревизора» - Н. В. Гоголя. Талантливо используя в художественном произведении материалы газетной публицистики, Довлатов вскрывает лживость советской журналистики, разоблачает социалистические ритуалы. Долгое время считалось, что набранные курсивом в начале каждой главы тексты-выдержки

---

³² Довлатов С. Человек, которого не было // Дружба: лит.-худ. сб. Л.: Дет. лит., 1971, с. 138.

из таллинских газет придуманы автором. Однако материалы газет «Советская Эстония», «Молодежь Эстонии» и «Вечерний Таллин» свидетельствуют о том, что в большинстве случаев Довлатов использовал подлинные или незначительно переделанные тексты – свои и своих коллег.

Двенадцать новелл, объединенных в единое целое, – это эпизоды из жизни автопсихологического героя, журналиста Довлатова. Несколько глав повести посвящены раскрытию базирующихся на коммунистической идеологии законов построения «советского» текста. В «Компромиссе первом» речь идет о том, что если при перечислении стран корреспондент нарушал заведенный ритуальный порядок, продиктованный классовым подходом (сначала должны называться социалистические страны, но не по алфавиту, а по степени их лояльности, затем – нейтральные государства и в последнюю очередь – «участники блока»), то это расценивалось как «политическая близорукость», «нравственный инфантилизм» (1; 232). В «Компромиссе четвертом» показано, что слова с отрицательной эмоциональной окраской нельзя было использовать в тексте, каким-либо образом касавшемся любой социалистической республики или проживавшего в ней народа. Стихи, которые сочинил журналист Довлатов для рубрики, предназначенной русскоязычным читателям-детям: «У опушки в день ненастный / Повстречали зверя. / Мы ему сказали: “Здравствуй!” / Зверь ответил: “Тере!”, – инструктор ЦК партии назвал «шовинистической басней». «Зверь» не может говорить по-эстонски – «пусть говорит на языке одной из капиталистических стран» (1; 246). В «Компромиссе пятом», посвященном созданию ритуала празднования юбилея освобождения Таллина (именно к этому дню в столице Эстонии должен был родиться четырехсоттысячный житель), рассказывается о наставлениях главного редактора газеты: «младенец должен быть публикабельным» (1; 249). А это означало, что он должен был родиться в рабочей семье и родители обязаны были назвать его старинным эстонским именем Лембит.

Одной из главных проблем для советского журналиста был выбор героя. В «Компромиссе шестом» автор повествует, с каким трудом корреспондент радиопередачи «Встреча с интересным человеком» искала подходящего героя, который должен был заниматься чем-то «значимым в социальном отношении» (1; 271). «Выбор героя – серьезное дело, чрезвычайно серьезное» (1; 288), – учил журналиста Довлатова редактор Туронок. В новеллах Довлатова-писателя разоблачаются все герои и героини, о которых он и его коллеги писали в газете. Никто из этих героев и героинь, по сути, не был достоин звания настоящего советского человека, которому предписано было иметь только положительные черты. Так, в «Советской Эстонии» за 31 августа 1973 г. под псевдонимом «С. Адер» была напечатана заметка Довлатова «Соперники ветра», посвященная 50-летию Таллинского ипподрома. В «Компромиссе втором» автор разоблачает героев,

про которых он написал эту заметку: спортсмены-наездники помогали своим знакомым делать выгодные ставки на бегах, получая от этого доход. Молодой, подающий надежды Анатолий Иванов «сломал ногу и обе ключицы. Лошади тут ни при чем. Он выпал пьяный из такси. С ипподромом было покончено. Уже несколько лет “соперник ветра” работает барменом в Мюнди» (1; 234). В «Советской Эстонии» от 18 октября 1973 г. был напечатан очерк Довлатова «Наряд для марсианина» о закройщице-модельере Русского драматического театра ЭССР Вольдемаре Сильде. В главе «Компромисс седьмой» рассказывается, что безукоризненно работавший «портной, художник, человек театра» (1; 287) служил в годы войны немцам, за что провел двенадцать лет в заключении. «Компромисс девятый» предваряет очерк Довлатова «Самая трудная дистанция», появившийся 14 июня 1973 г. в газете «Советская Эстония» под псевдонимом «С. Адер». Героиня очерка – член КПСС, аспирантка, спортсменка Тийна Кару – предстает перед читателями повести личностью аморальной, решившей на практике изучить технологию секса; так довлатовская новелла опровергает утверждение, что «в СССР секса не было»³³.

«Компромиссу одиннадцатому» предшествует газетное сообщение о смерти и похоронах директора телестудии, Героя Социалистического Труда Хуберта Вольдемаровича Ильвеса. В этом тексте прослеживаются аллюзии на материалы газет «Молодежь Эстонии» от 5 марта 1974 г.³⁴ и «Вечерний Таллин» от 7 марта 1974 г.³⁵, где были опубликованы некрологи о смерти члена ЦК КП Эстонии, председателя Государственного комитета Совета Министров ЭССР по телевидению и радиовещанию Энделя-Иоганнеса Янимяги (вымышленным в «Компромиссе» остается только имя покойника). «Могильный холм утопает в многочисленных венках» («ВТ») – «Под звуки траурного марша видные представители общест-венности несут украшенный многочисленными венками гроб с телом покойного» (1; 365); «От имени коллег и боевых товарищей Энделя-Иоганнеса Янимяги прощальное слово произнес заместитель министра культуры ЭССР Р. Вийес» («ВТ») – «Над свежей могилой звучат торжественные слова прощания...» (1; 365); «Светлая память об Энделе-Иоганнесе Янимяги – верном сыне Коммунистической партии – навсегда сохранится в наших сердцах» («МЭ») – «Память о Хуберте Ильвесе будет вечно жить в наших сердцах» (1; 365). Торжественности и пафосности сообщения противопоставлен весь ритуал похорон, воспроизведенный писателем. Почти-тельное отношение к высокопоставленному советскому деятелю подвер-

---

³³ Крылатая фраза, источником которой послужило высказывание одной из советских участниц телемоста Ленинград — Бостон («Женщины говорят с женщинами»), записанного 28 июня и вышедшего в эфир 17 июля 1986г. URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D1%82

³⁴ Некролог о смерти Энделя-Иоганнеса Янимяги // Молодежь Эстонии. 1974, 5 марта, с. 4.

³⁵ Похороны Энделя-Иоганнеса Янимяги // Вечерний Таллин. 1974, 7 марта, с. 3.

гается профанации, что проявляется в бесчисленных подменах и путанице, в циничных словах похоронной речи и в открытом признании: Ильвес обладал такими нравственными качествами, что от него отвернулись «родные и близкие»: «откровенно говоря, его недолюбливали» (1; 386).

Довлатов, на себе испытавший необходимость творить миф из повседневных событий, показывает обостренное чувство несвободы у журналистов, вынужденных идти на компромиссы ради публикации своих статей. Только у Буша, героя десятой новеллы, компромиссы вызывают протест; он не способен угождать начальству, из-за чего лишается работы. В конце последней главы журналист Довлатов тоже принимает однозначное решение: «...я прощаюсь с журналистикой. Хватит!» (1; 395). Период работы в партийных изданиях стал для него годами «вранья и притворства» (1; 230). Не случайно в «Компромиссе третьем» упоминается Хлестаков: «Как благородно эволюционировало вранье за последние двести лет! Раньше ввали, что есть жених, миллионер и коннозаводчик. Теперь врут про югославского режиссера. Когда-то человек гордился своими рысаками, а теперь... вельветовыми шлепанцами из Польши. Хлестаков был с Пушкиным на дружеской ноге, а мой знакомый Геныч вернулся из Москвы подавленный и тихий – Олжаса Сулейменова увидел в ЦУМе» (1; 238).

В этой главе наблюдается непосредственная текстовая переключка с гоголевской пьесой «Ревизор». Говорить о хлестаковщине заставляет героиня новеллы, Алла Мелешко, приехавшая из Двинска в гости к Мите Кленскому. По мнению журналиста Довлатова, Алла постоянно врала: рассказывала, что она учится в драматической студии: «Какая-то пантомима, югославский режиссер вызывает ее на съемки. Зовут режиссера Йошко Гати. Но какой-то “Интерсин” валюту не переводит...» (1; 238), что красящий шампунь ей прислала американская актриса Одри Хепберн. В результате Довлатов даже решил, что Аллу «вовсе не Аллой звали» (1; 238), т.е. что она самозванка, как гоголевский персонаж.

Между Аллой и Хлестаковым много общего: Хлестаков «одет по моде»³⁶, Алла – из тех девушек, которые «с чудовищными усилиями, ценою всяких жертв обзаводятся... импортными сапогами» (1; 237). Хлестаков – «тоненький, худенький» (с. 38), Алла – «в громадной коленкоровой шляпе, тоненькая, этакая сыроежка» (1; 243). «Хлестаков – один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими» (с. 38–39), Алла – из таких молодых женщин, которых можно назвать «беспечные» (1; 237). Хлестаков появляется в уездном городе проездом из Петербурга в Саратовскую губернию, Алла появляется в Таллинне проездом из Двинска в Саратов. Хлестаков «в дороге совсем издержался» (с. 90), у него «нет ни копейки» (с. 63). Он просит у городничего: «Мне бы только рублей двести или хоть

---

³⁶ **Гоголь Н.В.** Ревизор // Гоголь Н.В. Избранное: В 2 т. М.: АО «Прибой», 1994. Т. 1, с. 39. Далее цитируется по этому изданию.

даже и меньше» (с. 63). О том, что у Аллы нет денег, Довлатову сообщает машинистка Вера Хлопина: «Алке деньги нужны. Ей улететь не на что. <...> Хотя бы тридцать» (1; 243).

Но в главе «Компромисс третий» наблюдается и выворачивание гоголевского текста наизнанку. Хлестаков мечтает съесть во время обеда пирожное (с. 61) – Алла пьет чай с пирожными во время завтрака (1; 242). В «Ревизоре» городничий «вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр» (с. 53), в «Компромиссе» Алла появляется «в громадном коленкором сомбреро» (1; 242) (эта деталь напоминает и шляпу другого героя – Подколесина – из гоголевской «Женитьбы»). У Гоголя городничий рассказывает, будто Хлестаков его «напугал: говорил, что застрелится» (с. 114), если ему не разрешат жениться на Марье Антоновне, у Довлатова – Вера рассказывает, что Аллин жених «повесится, если она не вернется» (1; 264). Если Хлестакова городничий и чиновники снабжают деньгами, то Алле их никто не дает «взаймы». Но героиня все-таки получает деньги – за интервью, будто бы взятое у нее журналистом Довлатовым.

Конечно, Алла – это Хлестаков в миниатюре, и весь рассказ Довлатова можно было бы принять за пародию на Гоголя. Однако самое парадоксальное в том, что в роли Хлестакова выступают и журналисты: Буш выдумывает «от начала до конца» интервью с капитаном торгового судна ФРГ, Довлатов дает положительную рецензию на неудавшийся спектакль по произведению Хемингуэя, публикует интервью с Аллой Мелешко, где нет ни слова правды. Все советские журналисты сродни гоголевскому персонажу.

В другом произведении - повести «Заповедник» - Довлатов выступает против создания в Пушкинском заповеднике обстановки, не соответствующей стилю жизни Пушкина, против подмены реальных вещей (и в более широком смысле – настоящих духовных ценностей) неподлинными.

Автопсихологический герой Довлатова – экскурсовод Борис Алиханов – стремится разоблачить обман:

«– Можно задать один вопрос? Какие экспонаты музея – подлинные?

– Разве это важно?

– Мне кажется – да. Ведь музей – не театр.

<...>

– Что конкретно вас интересует? Что вы хотели увидеть?

– Ну, личные вещи... Если таковые имеются...

– Личные вещи Пушкина?... Музей создавался через десятки лет после его гибели...

– Так, – говорю, – всегда и получается. Сперва угробят человека, а потом начинают разыскивать его личные вещи...» (2; 195).

«– Этажерка – настоящая?

– По крайней мере – той эпохи.

– А портрет Байрона?

– Настоящий, – обрадовалась Виктория Альбертовна, – подарен Вульфом... Там имеется надпись... Какой вы, однако, привередливый. Личные вещи, личные вещи... А по-моему, это нездоровый интерес...

Я ощутил себя грабителем, застигнутым в чужой квартире.

– Какой же, – говорю, – без этого музей? Без нездорового-то интереса? Здоровый интерес бывает только к ветчине...» (2; 196).

Об обстановке в пушкинском кабинете свидетельствуют воспоминания И.И. Пущина и М.И. Осиповой. «Комната Александра была возле крыльца, с окнами на двор... В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, шкаф с книгами...»³⁷; «...В...правой комнате, где был рабочий кабинет Александра Сергеевича, стояла самая простая, деревянная, сломанная кровать. Вместо одной ножки под нее подставлено было полено; некрашенный стол, два стула и полки с книгами довершали убранство этой комнаты»³⁸. Однако директор заповедника С.С.Гейченко разрешает заполнить его множеством лишних вещей и делает это совершенно сознательно: «Пушкинский заповедник – это книга, только написана она не буквенными знаками, не словами, а вещами»³⁹. В связи с этим Ю.М. Нагибин отмечает в дневниковой записи от 20 июля 1979 г.: «Были в Тригорском и во вновь отстроенном Петровском: вотчине Ганнибалов. От последнего осталось двойственное впечатление: само здание достаточно убедительно, но набито, как комиссионный магазин, чем попало: павловские прелестные стулья и современный книжный шкаф, великое множество буфетов, даже в коридорах; подлинных вещей почти нет»⁴⁰.

В книге М.Я. Басиной «Там, где шумят Михайловские рощи» рассказывается, что из подлинных вещей Пушкина в музее остались только железная трость, подвесная книжная полочка красного дерева и подножная скамеечка⁴¹, А. М. Гордин добавляет к этому списку «гравированный портрет Байрона, три бильярдных шара с кием»⁴². Во время проведения экскурсии Алиханов старается обратить внимание слушателей как раз на те вещи Пушкина, которые действительно принадлежали ему: «Демонстрирую портрет Байрона, трость ...» (2; 211).

Особого разговора заслуживает упоминание в тексте довлатовской повести о мнимом портрете предка Пушкина – Ганнибала. Довлатов разоблачает легенду, родившуюся в 1880 г. и упрочившуюся за сто лет своего существования, о том, что на портрете изображен именно прадед поэта.

³⁷ Пущин И.И. Записки о Пушкине // Пущин И.И. Соч. и письма: в 2 т. М.: Наука, 1999. Т. 1, с. 67.

³⁸ Цит. по: Басина М. Я. Там, где шумят михайловские рощи. Л.: Дет. лит., 1962, с. 51.

³⁹ Гейченко С.С. Завет внуку: Новеллы о Михайловском. М.: Дет. лит., 1986, с. 5.

⁴⁰ Нагибин Ю.М. Дневник. М.: Книжный сад, 1996, с. 373.

⁴¹ Басина М.Я., указ. соч., с. 51.

⁴² Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Л.: Лениздат, 1989, с. 6.

Сделанное в 1973 г. открытие, что на предполагаемом портрете А.П. Ганнибала изображен артиллерийский генерал И.И. Меллер-Закомельский, принадлежит Н.К. Телетовой, которая в 1975 г. выступила с докладом об атрибуции портрета в Пушкинском Доме и получила поддержку В.М.Глинки, Н.В. Измайлова, Н.А. Малеванова. На основании данных экспертиз портрета, проведенных в 1976, 1980, 1986 гг., и доклада Т.Г. Александровой, проанализировавшей высказанные в печати аргументы Н.К.Телетовой, Г.А. Лееца и В.М. Глинки, 21 февраля 1986 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина на специальном заседании, посвященном атрибуции портрета, было решено не выставлять его на экспозициях. Тем не менее упорным противником новой атрибуции портрета оказался А.М. Гордин (именно его работы о Пушкине были рекомендованы Алиханову для того, чтобы подготовиться к экскурсии), который в 1989 г. выпустил новое, дополненное, издание своей книги «Пушкин в Михайловском» (первый ее вариант появился еще в 1939 г.), где без всяких сомнений и знаков вопроса поместил пресловутый портрет артиллерийского генерала, выдавая его за предка Пушкина⁴³. В своей вышедшей в свет еще в 1983 г. повести «Заповедник» Довлатов посчитал необходимым пересказать историю вопроса о мнимом портрете Ганнибала и о безразличном отношении к этому сотрудников музея-заповедника:

«— ...Сняли портрет Ганнибала.

— Почему?

— Какой-то деятель утверждает, что это не Ганнибал. Ордена, видите ли, не соответствуют. Якобы это генерал Закомельский.

— Кто же это на самом деле?

— И на самом деле — Закомельский.

— Почему же он такой черный?

— С азиатами воевал на юге. Там жара. Вот он и загорел. Да и краски темнеют от времени.

— Значит, правильно, что сняли?

— Да какая разница — Ганнибал, Закомельский... Туристы желают видеть Ганнибала. Они за это деньги платят. На фигу им Закомельский? Вот наш директор и повесил Ганнибала... Точнее, Закомельского под видом Ганнибала!» (2; 177–178).

Несмотря на царивший на всем заповедном пространстве культ поэта, никто из посетителей, как показывает автор «Заповедника», по-настоящему не знает пушкинских произведений. Когда Алиханов прочитал вместо стихов Пушкина, обращенных к няне, стихотворение С. Есенина «Письмо к матери», никто из экскурсантов не заметил подмены. «Все молчали. Лица были взволнованны и строги. Лишь один пожилой турист со значением выговорил:

---

⁴³ Телетова Н.К. О мнимом и подлинном изображении А.П. Ганнибала // Легенды и мифы о Пушкине: сб. ст. / под ред. М.Н. Виролайнен. СПб.: Академ. проект, 1999, с. 105–108.

– Да, были люди...» (2; 201).

Как свидетельствует Е. Рейн в своих воспоминаниях «Возразить нечего», опубликованных в газете «Московские новости», такой случай действительно произошел во время экскурсии для учителей Подмосковья»⁴⁴. Розыгрыш, продемонстрированный Довлатовым и в реальной действительности, и в повести «Заповедник», дал повод учредителям одного из интернет-сайтов провести аналитическую проверку, в результате которой обнаружилось, что наибольшим количеством респондентов есенинские строки из «Письма к матери» были восприняты в качестве пушкинских строк. Закономерно, что Довлатов предугадал результат этого эксперимента⁴⁵.

Обобщая вышеизложенный материал, необходимо сделать следующий вывод: мотив обмана в произведениях Довлатова звучит на разных уровнях, прежде всего, на уровнях их поэтики, проблематики и авторского мирозерцания. Склонный к мистификациям и розыгрышам в жизни, Довлатов внедряет их в качестве художественного приема и в свое творчество. Одной из главных особенностей довлатовского творчества был псевдодокументализм. Вместе с тем основой литературной работы для Довлатова стали почтительное отношение к слову, восходящее к традициям русских писателей-классиков и поэтов Серебряного века, а также писательская честность⁴⁶. Он не смог воспользоваться советом Даниила Гранина: «Литератор должен публиковаться. Разумеется, не в ущерб своему таланту. Есть такая щель между совестью и подлостью. В эту щель необходимо проникнуть» (3; 28). В своих произведениях, которые в эпоху соцреализма никогда не могли быть изданы на родине официально, поскольку затрагивали запретные для того времени темы, Довлатов, в основном с помощью иронического принципа повествования, разоблачает обман советской действительности.

Ключевые слова: *Довлатов, мотив обмана, иллюзия, мистификация, розыгрыш, псевдодокументализм, хлестаковщина, «Компромисс», «Заповедник»*

ԳԱԼԻՆԱ ԴՈՐԴՈՋՐԱՎՈՎԱ – Խաբեության մտիվը Ս. Դովլատովի ստեղծագործության մեջ – Հոդվածը նվիրված է Ս. Դովլատովի ստեղծագործություններում հեղինակային աշխարհագրոգություն (պատրանք), պոետիկայի (միստիֆիկացիաներ, ծաղր, կեղծ-վավերագրականություն), պրոբլեմատիկայի (խորհրդային հասարակության կեղծության և երկդիմության մերկացում) մակարդակներում դրսևորվող խաբեության շարժառիթի քննարկմանը: Ուսումնասիրվել են խորհրդային պարբերականներում Ս. Դովլատովի հրա-

⁴⁴ **Рейн Е.** Возразить нечего // Московские новости. 1996, № 36, с. 24.

⁴⁵ См.: **Дочева К.Г.** Идентификация личности героя в творчестве Сергея Довлатова: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004, с. 164.

⁴⁶ См.: **Доброзракова Г.А.** Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX – XX веков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012, с. 109-289.

պարակած նյութերը, ինչպես նաև «Մարդ, որը չի եղել» վաղ շրջանի պատմվածքի, «Մարդ, որը չի եղել. պիես կրտսեր դպրոցականների համար ձեռնածություններով, բայց առանց խաբեության» պիես-հեքիաթի, «Փոխզիջում» և «Արգելոց» վիպակների տեքստերը:

Բանալի բառեր – *Դովլատով, խաբեության մոտիվ, պատրանք, միստիֆիկացիա, ծաղր, կեղծ-վավերագրականություն, խլեստակովություն, «Փոխզիջում», «Արգելոց»*

GALINA DOBROZRKOVA – *The Motive of Deception in the Work of S.Dovlatov.* – The article is devoted to consider the motive of deception manifested in the works of Sergei Dovlatov on the levels of the author's worldview (illusion), poetics (mystification, jokes, pseudodocumentaries), problematics (disclosure of the Soviet society's falsity and doublethink). The author uses materials from Soviet periodicals, which published Dovlatov, as well as the texts of the early story "the Man who never was", play-tale "the Man who never was. A play for primary school children with magic tricks, but no deception", the stories "Compromise" and "Reserve".

Key words: *Dovlatov, the motive of deception, illusion, mystification, jokes, pseudodocumentaries, khlestakovshina, "Compromise", "Reserve"*